

УДК 821
DOI 10.17223/18137083/58/6

Е. Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Стихотворный сборник Вивиана Итина «Солнце сердца»*

Рассматривается стихотворный сборник Вивиана Итина «Солнце сердца». Выделяется реминисцентный слой лирики поэта, показаны отсылки к текстам Гумилева, Блока, Пушкина. Отмечается, что революция воспринята Итиным как событие, требующее от поэта проявления силы и мужества для погружения в новый экзотический мир. Указывается на две линии в творчестве поэта: любовь к петербургскому прошлому и желание принять советское бытие. Особое внимание уделено ориентации Итина на личность, судьбу и творчество Гумилева – это тот оттенок, который Итин привнес в сибирскую творческую среду. Вероятно, Леонид Мартынов и Лидия Сейфуллина называли его своим учителем потому, что он продолжал поэтические традиции Петербурга в среде новосибирских литераторов. Акцентируются авангардистские тенденции, проявившиеся в стихотворном сборнике Итина и сделавшие поэта представителем сибирского авангарда.

Ключевые слова: сибирский авангард, Вивиан Итин, реминисценции, экзотизм, поэзия нового мира.

В 1922 г. в «Сибирских огнях» была опубликована рецензия на стихотворные сборники и рассказы Николая Гумилева. В последнем абзаце автор писал: «Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России останется глубокой трагедией» [Итин, 1922]. Прошло около года со дня расстрела Гумилева, а он был назван великим поэтом. Статья была подписана «В.И.» – Вивианом Итиным, поэтом, глубоко читавшим Гумилева и Блока.

Даже приняв революцию, будучи членом редколлегии газеты «Красноярский рабочий», заведующим отделами агитации и пропаганды, политического просвещения красноярского отдела РОСТА, председателем товарищеского дисциплинар-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; kulis@mail.ru)

ного суда, секретарем правления Первого сибирского съезда писателей, создателем новосибирской писательской организации, ответственным редактором журнала «Сибирские огни», председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей, делегатом Первого съезда Союза писателей, Итин писал многие стихотворения (с революционным уклоном в том числе) в стилистике Гумилева.

Такая стилистика наложила особый отпечаток на творчество Итина, на его лирического героя – мужественного, героического, готового побеждать время и пространство. Это чисто гумилевская линия его поэзии – тот оттенок, который Итин привнес в сибирскую творческую среду. Не случайно Леонид Мартынов и Лидия Сейфуллина называли его своим учителем. В этом смысле учителем Итина стал Гумилев.

Сборник «Солнце сердца» с предисловием Валериана Правдухина был издан «Сибирскими огнями» в Новониколаевске в 1923 г. Он состоит из стихотворений, написанных начиная с 1912 г. Поэтому «революционные образы» у Итина сочетаются с символистско-романтическими. Как пишет В. Правдухин: «...раздвоение по двум руслам: с одной стороны – грезы о голубых берегах, голубых высотах, зачарованной выси, искание синих берегов, лучезарных сфер, родственных ему звезд бесконечности, – и все это наряду – с другой стороны – со звериной, непосредственной и стихийной жадой первобытных ощущений, каких-то оргийных вдыханий в себя тайги, зим, тропических запахов, переживаний зверя; восприятие революции, как сказочного похода, первобытной, дикарской и прекрасной охоты “за врагом быстроногим и ловким”» [Итин, 1923, с. 5].

Надо сказать, что вторая творческая линия, отмеченная Правдухиным, не противоречит первой в том смысле, что революция Итиным воспринимается как некое событие, требующее от поэта проявления силы и мужества и погружения в новый – экзотический – мир. Остановимся на этом образе: экзотический. Итин видит события 1917 г. как обновление мира, в каком-то смысле открытие его как новой страны, нового топоса. В немалой степени этому способствует его приезд из Петербурга, где прошла юность, Москвы, где он работал, потом родной Уфы, куда он вернулся в 1918 г., в Сибирь – край, безусловно, незнакомый и удивительный для Итина. Образы и мотивы его поэзии, связанные с тайгой, зимой, «дремучими лесами», «пустынями таинственной Сибири», – это вариация на тему африканских и восточных путешествий Гумилева и других поэтов Серебряного века, тяготевших к «иным» пространствам.

Выходит так, что грезы о других мирах, родившиеся изначально как подражание символистам и романтикам, приводят Итина к мечтам о фантастических странах, которые открывает поэту революционное преобразование. Это источник и «Страны Гонгури», и ярко выраженного двоemiрия в лирике Итина. Здесь, как отмечал В. Яранцев, мы можем увидеть и отсылки к стихам Бальмонта, Брюсова и Блока [Яранцев, 2015, № 46, с. 261].

Соотношение «мечты и яви» – вот тот стержневой момент, на котором строится сборник стихов «Солнце сердца». Он состоит из двух частей – «Аидоней» и «Заповедь». Первая метафорически отсылает к древнегреческой мифологии, к миру мертвых, которым правит Аид. В судьбе Итина это его прошлое, которое поэт четко отделяет от будущего. Вторая часть «Заповеди» – своего рода «новые» стихи поэта, с элементами футуристического стиля, с перебивами ритма.

Символистско-акмеистическая линия «Аидоней» уходит своими корнями к «Жемчугам» и «Капитанам» Гумилева; перевод «Бубенцов» Э. По отсылает к «Колоколам и колокольчикам» Бальмонта и «Звону» Брюсова; мотивы «голубого счастья», «видений голубых», «голубой Полинезии» и «голубой тишины» напоминают о голубом цветке немецких романтиков Шпильгагена, Новалиса и зна-

чении синего у символистов – Вяч. Иванова, Блока, о синем рае Гумилева. В первой части «Солнца сердца» звучат тютчевские и ахматовские ассоциации («Дух – словно океан огромный...»), не остается в стороне Итин и от описания авиатора («Знак бесконечности») – яркой темы для поэтов начала XX в. (вспомним Блока и Ходасевича, Зенкевича и Каменского), образы войны у Итина ориентированы на военные стихотворения Гумилева («Наступление» перекликается с текстом Гумилева даже по заголовку).

Мотив сна, важный для Итина¹, с одной стороны, возникает из символистского онейрического топоса, с другой – идет от гумилевских образов страны эфира, грез и мечтаний, уносящих поэта в иную страну. А двоemiрие и разорванность души рождены платоновской двойственностью, столь ценной для символистов. Кроме того, можно указать и на влияние Психеи Ходасевича на многие итинские строки (например, «В трибунале»).

«Заповеди» начинаются с программного для Итина стихотворения «Любить хаос горящих миров...». Чеканные длинные строки, в которых излагается жизненное и поэтическое кредо поэта, напоминают косвенные источники этого текста – «Моих предков» Кузмина и «Моих читателей» Гумилева. Кузмин рассказывает, как звучат в нем голоса его предков – «моряков старинных фамилий», «франтов тридцатых годов», «важных, со звездами, генералов»: «...и вот вы кричите сотнями голосов, / погившие, но живые, / во мне: последнем, бедном, / но имеющем язык за вас» [Кузмин, 1990, с. 21]. Гумилев описывает своих читателей – «сильных, злых и веселых, / Убивавших слонов и людей, / Умиравших от жажды в пустыне, / Замерзавших на кромке вечного льда, / Верных нашей планете, / Сильной, веселой и злой» [Гумилев, 1988, с. 341]. Именно «Читателей» Гумилева Итин процитировал в марте 1922 г. в своей рецензии в «Сибирских огнях»: «Больше, чем когда бы то ни было надо знать, “Как не бояться, / Не бояться и делать что надо”» [Итин, 1922].

В стихотворении «Любить хаос горящих миров...» Итин перечисляет то, что было важно в его жизни: принятие хаоса и разрушенного мира, соединение нежности «звериных шкур и листьев мимозы», превращение поэта в бандита, раба и героя, пробужденного, как Илья Муромец, чтобы «своротить мировые системы». Это напоминает ту мозаику образов, которую создают Кузмин и Гумилев: поэт для Итина – разный, как читатели для Гумилева, как предки Кузмина. Личность его складывается из разных элементов, противоречащих друг другу, но Итин видит в этом особую силу, способную созидать.

В других текстах «Заповедей» поэт пытается, подобно Маяковскому, наступавшему «на горло собственной песне», через преодоление/перелом собственной души понять новый мир: «Приказываю: во что бы то ни стало / Перепрыгните через себя!» [Итин, 1923, с. 50]. И центральным образом этой части становится солнце – жестокое, жгущее, палящее, но дарующее иное бытие, о котором, казалось бы, всю жизнь, еще с ранних лет, мечтал Итин.

Наверное, в этом и заключается творческая трагедия поэта: он всегда романтически тяготел к иным мирам и пространствам и, собственно, он их обрел: и пугающие снега Сибири, и тайгу, и странствия по экзотической земле, и новый мир, который ему пришлось как-то осваивать, принимать и даже строить, но было ли это иномирие тем, о чем он мечтал? Ведь его стихи – даже суперреволюционные – не стали воплощением его надежд и чаяний. Конечно, обвинить в неискренности Итина невозможно, но писать по-пролетарски он не мог. И разумеется, его поэзия ни в коей мере не могла быть понятна рабочему классу.

¹ Об этом писал В. Яранцев в своем биографическом романе о поэте «Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури» [Яранцев, 2015].

Как настоящий поэт, он все время оборачивался, все время искал что-то из прошлого, что должно было сделать лучше эту новую, иную жизнь. В откровенно заказных стихотворениях, таких, как «Электрификация», «Наша раса», «Я люблю борьбу...», посвященном Зазубрину, Итин неоднократно подчеркивает элемент преодоления, напряжения, сложности выбора: «Здесь борьба труднее революций. / В главном штабе разума» [Итин, 1923, с. 57].

Замечательно то, что, например, «Наша раса» звуково откликается на «Наступление» Гумилева. Трехиктный дольник передает радость борьбы и победы. Выше отмечалось, что у Итина есть и одноименное стихотворение – «Наступление». Можно увидеть, как этот текст Гумилева варьируется в творчестве уже сибирского поэта:

Непонятная дышит сила,
Переплескивает берега...
О, как радостно жутко было
По невидимым тропам шагать!

За врагом быстроногим и ловким,
По пятам, опустить штыки...
На прикладе ижевской винтовки
Острой пулей царапать стихи [Там же, с. 59].

Гумилевские строки о Первой мировой войне, в которой он принимал участие и получил два Георгиевских креста, за что его ругали неоднократно, обвиняя в милитаристских настроениях, тем не менее посвящены мужеству тех, кто сражается за родину, а кроме того, для Гумилева образ воина всегда был особенно дорог как образ героя:

Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки [Гумилев, 1988, с. 234].

Итин реагирует на эти строки, но адресует героизм революционерам, Красной армии:

Ничего, что мой томик Шекспира
На цыгарки свертели в пути, –
Взбита старая мира перина,
Будет радостней жизнь любить... [Итин, 1923, с. 60]

Новая страна, новая раса – так переосмыслен образ воина Гумилева, так старается Итин принять чуждый ему мир.

Косвенные цитаты из «Наступления» Гумилева есть в поэме Итина «Солнце сердца», включенной в сборник, но напечатанной еще в 1922 г. в третьем номере «Сибирских огней»:

Только солнце сердца бьется
В тьме степей и смерти льдов....

... Преодолеть слепой стихии
Должны мы огненный ожог.
Как сердце алый свой поток,
Нас сердце бросило России... [Итин, 1923, с. 69]

Это вариация на тему ныне растиражированных строк Гумилева: «Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей» [Гумилев, 1988, с. 235].

Как прошлое видится и бывшая любовь к Ларисе Рейснер – возлюбленной, которая сравнивается с вражеским кораблем:

Быть может, бешено любя,
В корабль враждебный с Камской кручи я
Безмолвно целился – в тебя! [Итин, 1923, с. 62]

Это, несомненно, отсылка к гумилевскому «Кораблю» из «Романтических цветов». «Бледно-мерцающий взор» героини у Гумилева – лишь повод для создания картины гибели корабля:

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно мерцающем взоре?»
– «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем» [Гумилев, 1988, с. 97].

Героиня из внешнего мира (первые две строки стихотворения – беседы с лирическим «я») оказывается внутри воображаемого пространства, где происходит «безумная предсмертная борьба» корабля². Итин же представляет свою возлюбленную вражеским кораблем, в который он целится.

Сибирь становится для Итина экзотическим манящим пространством, которое должен освоить поэт – подобно тому, как Гумилев осваивал жаркую Африку:

Я был искателем чудес
Невероятных и прекрасных,
Но этот мир теперь исчез
И я ушел в дремучий лес
В снега и вьюги зим ужасных.

Пред мной колышится дуга
И мысли тонут в громком кличе,
Поют морозные снега
И в беспредельном безразличьи
Молчит столетняя тайга [Итин, 1923, с. 63].

Отсюда – острое и сильное противопоставление холода и жара, зимней тундры и юга, снегов и солнца: «Солнце – огненное знамя / Жжет холодными мечтами /

² Ритм «Корабля» Гумилева – трехстопный анапест – напоминает знаменитое блоковское «Ты – как отзвук забытого гимна». Не-морской сюжет о Кармен в стихотворении Блока приобретает явные морские черты, стихия страсти соотносима с разбушевавшейся морской стихией, поэтому герой видит «даль морскую и берег счастливый», край «синий, синий», переживает «бурю цыганских страстей». Гумилев отзывается на размер и скрытый сюжет.

Предзакатные снега» [Там же, с. 66]. Но ассоциации, связанные с зимней тьмой, ведут к «Бесам» Пушкина, а возможно, – подсознательно или сознательно – к «Бесам» Достоевского. Пушкинские стихи отчетливо слышны в строках итинской поэмы:

Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы...

Вьюга злится, вьюга плачет...

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?³
[Пушкин, 1909, с. 82–83]

Посмотри, как близко Серый...
Ах, какая тьма взвилась!
Словно черные химеры
Затевают мертвый пляс.

Караульный что-ли дремлет.
Время-ль хочет перестать, –
Так и клонит сон на землю
Лечь и больше не вставать.

Все быстрее и нелепей
Теней ночи хоровод...
Уж не вражки-ль это цепи...

... Вьюга длится, длится, длится,
Словно злобный вой зверей,
Ветер северный томится,
Как бы жизнь задуть скорей.

Тьма огромна и глубока
И растет, растет, растет,
Словно с дальнего востока
Солнце черное встает
[Итин, 1923, с. 68].

В подтексте этого сложного сплетения описанных Итиным красноармейцев и их врагов оказываются бесовские образы Пушкина, повлиявшие на роман Достоевского о революционерах, и получается, что однозначного приятия нового мира у Итина нет. С одной стороны, мы видим «тени ночи» и «черное солнце» как вражеское начало и как отказ поэта от прошлого, с другой – открывается жутковатый мир, окрашенный двойственными красками.

Конечно, северная метель и отряд красноармейцев почти прямо отсылают к «Двенадцати» Блока:

Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек... [Блок, 1999, с. 7]

Черное, черное небо... [Там же, с. 11]

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек...

Винтовок черные ремни
Кругом – огни, огни, огни... [Там же]

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!

³ Цитата дана в современной орфографии.

Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!.. [Блок, 1999, с. 18]

«– Эй, товарищ, кто идет?!» [Итин, 1923, с. 68] Итина прямо адресован к «Товарищ! Гляди / В оба!» [Блок, 1999, с. 11] Блока, а образы солнца и пожара («Есть высшее цепи инерций. / Есть Воля прекрасней Стожар... / О солнце, все солнце и сердце / Тебе – Мировой Пожар!» [Итин, 1923, с. 71], конечно, идут от блоковских стихов:

Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови! [Блок, 1999, с. 12]

Вообще, поэма Итина, во многом ориентированная на гумилевские и пушкинские стихи, встроена и в авангардистскую традицию: разные части написаны разными размерами – и классической силлабо-тоники, и чисто тонически, используется поэтическая «лесенка» и рваный ритм, активно звучат идеи «обновления» и «возрождения» вплоть до изменения географии: «Мы сдвинем Азию на юг! / И солнце в первозданной тундре / Начертит свой палящий круг, / Ползучих роз лаская кудри» [Итин, 1923, с. 70].

Судьба Вивиана Итина поистине удивительна: настоящий петербургский поэт оказался в центре революции и сотворения нового мира в практически незнакомой «стране» – Сибири. Он сумел увидеть фантастическое будущее, описанное им в романе «Страна Гонгури» (1922) – романе, который родился из повести «Открытие Риэля», созданной еще в Петербурге и отправленной в горьковский журнал «Летопись», но не опубликованной там. «Страну Гонгури» называют первым советским научно-фантастическим произведением. Когда Итин жил в Канске в 1920 г., прямо в городском кинотеатре «Фурор» (позже ставшим детским кинотеатром «Кайтым»), он писал свою книгу (вечером, когда все расходились после сеанса) при свете самодельной копилки. Отпечатана она была тиражом 500 экземпляров – бледным шрифтом на тугой оберточной бумаге, в обложке из синеватого полукартонка, в которую раньше заворачивали сахарные головы. Сейчас эта книга – библиографическая редкость. А тогда она стоила очень дешево, и, как шутил сам автор, ее раскупили крестьяне «для курева».

Итин участвовал в гидрографической экспедиции по обследованию Гыданского залива, в 1929 г. – в Карской экспедиции, в морском колымском рейсе на судне «Лейтенант Шмидт» (1934), от устья Колымы вернулся в Новосибирск сухопутным путем на собаках и оленях. По материалам своих путешествий написал книги «Восточный вариант», «Морские пути северной Арктики», «Колебания ледовитости арктических морей СССР», «Выход к морю», по рассказам полярников – повесть «Белый кит».

17 октября 1938 г. Итин, как и его любимый поэт Гумилев семнадцатью годами раньше, был приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Но еще ранее Итин не раз был отмечен как «неблагонадежный» интеллигент-литератор, далекий от нового мира, созданного революцией. В материалах Пленума Сибирского краевого комитета ВКП(б) в 1928 г. застенографирована речь редактора газеты «Советская Сибирь» и литературно-публицистического журнала «Настоящее» А. Л. Курса, который, не называя имени Итина, разоблачает его статью, посвященную последним сборникам Гумилева и его гибели:

Есть у нас поэт, который пишет стихи и посвящает их памяти Гумилева. Правда, стихи эти не печатаются, потому что у нас есть цензура, или, в крайнем слу-

чае, можно вырвать страницу из журнала. Кто такой Гумилев – многим известно. У Гумилева было две профессии: одна – поэзия конквистадорства, буржуазного завоевательства, другая – контрреволюция. За первую профессию его возвеличила наша буржуазия. За вторую профессию его расстреляла питерская ЧК.

Случайное ли это явление – гумилевщина? Нет, не случайное. Я могу показать вам корни гумилевщины, уходящие к 22 году. В 1922 г. в «Сибирских Огнях» мы могли прочитать рецензию на книжку Гумилева. Эта рецензия оканчивается такими словами: «Значение Гумилева и его влияние на современников и для революционной России останется глубокой трагедией».

Вы видите, какие опасности кроются для нас в литературе, которая делается руками чуждой для нас части интеллигенции [Пленум, 1928, с. 85].

Подчеркивая «идеологическую невыдержанность автора статьи» [Там же, с. 139], А. Л. Курс тем самым отказывает Итину в праве называться советским писателем, акцентирует внимание на его «враждебности». Возможно, в какой-то мере рецензия Итина и послужила тому, что в 1938 г. он был расстрелян. Однако его стихи хотя и свидетельствовали о приятии им советского бытия, но в то же время открывали его иные стороны и интересы и безусловную тягу к прошлому миру.

Поэта реабилитировали в 1956 г., а в 2014 г. вышла книга его стихов, прозы и воспоминаний «Искатель чудес».

Список литературы

Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5: Поэмы и стихотворения (1917–1921). М.: Наука, 1999. 568 с.

Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

В. И. <Вивиан Итин>. Н. Гумилев // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 197.

Итин В. Солнце сердца / Предисл. В. Правдухина. Новосибирск: Изд-во «Сибирские огни», 1923. 80 с.

Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с.

Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б). 3–7 марта 1928 г.: Стенографический отчет. Вып. 1. Новосибирск: Сибкрайком ВКП(б), 1928.

Пушкин А. С. Собрание сочинений. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3. 620 с.

Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури // Мосты. 2015. № 45. С. 240–340; № 46. С. 245–325; № 47. С. 238–325.

E. Yu. Kulikova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; kulis@mail.ru*

Poetic collection «The sun of heart» by Vivian Itin

The paper considers a poetic collection «The sun of heart» by Vivian Itin. It emphasizes the reminiscence spectrum of poet's lyrics and shows the references to the texts of Gumilev, Blok, and Pushkin. It is noted that Itin regards the revolution as the event that demands the poet to demonstrate the power and courage to get involved in the new exotic world. The author indicates two «lines» in poet's creation: his love to the past of Saint Petersburg and desire to accept the soviet existence. Special attention is paid to the Itin's orientation towards Gumilev's personality, fate, and creation – it is this shade that Itin brings into the Siberian creative environment.

Leonid Martynov and Lidiya Seifullina called him their teacher probably because he continued the Petersburg poetic traditions among the literary men of Novosibirsk.

The focus is on the avant-garde trends revealed in Itin's poetic collection. These trends make the poet a representative of Siberian avant-garde.

Keywords: Siberian avant-garde, Vivian Itin, reminiscence, exoticism, the poetry of new world.

DOI 10.17223/18137083/58/6

References

Blok A. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t. T. 5: Poemy i stikhotvoreniya (1917–1921)* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 5: Poems and rhymes (1917–1921)]. Moscow, Nauka, 1999, 568 p.

Gumilev N. S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Rhymes and poems]. Leningrad, Sov. Pisatel', 1988, 632 p.

V. I. <Vivian Itin>. N. Gumilev [N. Gumilev]. In: *Sibirskie ogni*. 1922, no. 4, p. 197.

Itin V. *Solntse serdtsa*. Pred. V. Pravdukhina [Sun heart. Introduction by V. Pravdukhin]. Novosibirsk, Sibirskie ogni publ., 1923, 80 p.

Kuzmin M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura, 1990, 576 p.

Plenum Sibirskogo Kraevogo Komiteta VKP(b) [Plenum of the Siberian Regional Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks)]. 3–7 marta 1928 g. Stenograficheskiy otchet. Novosibirsk: Sibkraykom VKP(b), 1928, iss. 1.

Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron, 1909, vol. 3, 620 p.

Yarantsev V. Vivian Itin. Grazhdanin strany Gonguri [Vivian Itin. Citizen of the country Gonguri]. In: *Mosty*. 2015, no. 45, pp. 240–340, no. 46, 245–325, no. 47, 238–325.